

Батюшковъ и усовершенствованіе стихотворнаго стиля.

Одной изъ характерныхъ чертъ творчества молодыхъ поэтовъ Александровскаго времени было ихъ пристрастіе къ мотивамъ античной древности и къ тѣмъ внѣшнимъ формамъ словеснаго творчества, которыя процвѣтали въ литературѣ греческой и римской. Усвоить себѣ античное міросозерцаніе во всей его широтѣ и глубинѣ мы, конечно, не могли въ виду нашей неподготовленности къ пониманію многихъ сторонъ столь отъ насъ далекой культуры, но учиться на образцахъ стараго словеснаго искусства мы могли съ успѣхомъ—что и дѣлали. Большинство нашихъ писателей проходило эту античную школу подъ руководствомъ преимущественно учителей французскихъ, но были и такіе, которые могли читать сами оригиналы, и прилежно въ нихъ вчитывались. Знакомясь съ этой русской лирикой античнаго стиля, преимущественно римскаго, съ ея эпистолами, эпиграммами, мадригалами, сатирами, элегіями, идилліями,—видишь, какъ хорошо наши поэты были знакомы съ классическимъ Парнасомъ.

Теокритъ, Гораций, Ювеналь, Тибуллъ, Катуллъ, Марціалъ, Вергилій, Апулей и въ особенности Овидій, читались охотно и, какъ говорилъ Пушкинъ—въ ущербъ Цицерону. Русская лирика при рожденіи своемъ была крещена въ языческую вѣру и долго молилась всѣмъ греко-римскимъ бо-

гамъ. Боги и полубоги, герои, нимфы, сатиры, фавны, Аглаи, Хлои и другія прелестницы очень занимали воображеніе нашихъ поэтовъ, и мы ошибемся, если заподозримъ, что всѣ эти имена и связанные съ ними образы были лишь риторическими украшениями или звонкими римами.

Поэтъ Александровской эпохи любилъ классическую древность, и эта любовь была не случайной. Онъ любилъ древность прежде всего за ея символизмъ и ея идеальную красоту. Она въ своемъ весельѣ, въ своей грусти, въ своемъ гнѣвѣ и радости, слезахъ и смѣхѣ была такъ красива, величественна, спокойна и витала, повидимому, такъ высоко надъ обыденной жизнью. Конечно, при историческомъ взглядѣ на античную словесность и она оказалась бы „злой“ своего дня, но историческій взглядъ для поэта вообще не обязателенъ, а въ тѣ времена для русскаго поэта былъ почти недоступенъ. Лирикъ двадцатыхъ годовъ находилъ въ классической поэзіи наиболѣе подходящее выраженіе своимъ вполне реальнымъ чувствамъ,—выраженіе, передававшее всю сущность его настроенія и не напоминавшее о тѣхъ мелочахъ жизни, изъ которыхъ данное настроеніе вытекало. Сказать: меня разсердилъ такой-то непонятливый критикъ—значило унижить священное чувство поэтическаго гнѣва, а потому и красивѣе, и сильнѣе возгласить вмѣстѣ съ Гораціемъ: „Прочь, непросвѣщенная чернь!“ Возвести свѣтскую даму или просто любую изъ своихъ знакомыхъ въ званіе Деліи или Хлои и написать ей посланіе, гдѣ упомянуть объ ея соперничествѣ съ Кипридой или Граціями, значило возвысить и освятить свое чувство. Въ застольной пѣснѣ помянуть Вакха и Киприду было также какъ будто благороднѣе, чѣмъ прямо написать тостъ въ честь благороднаго напитка.

Но кромѣ этой традиціонной красоты и идеальной возвышенности, какія въ готовыхъ образцахъ были даны въ классической литературѣ, само античное міросозерцаніе одной своей стороною подходило къ жизни нашихъ лириковъ начала XIX столѣтія. Хваленая гармонія духа, о которой такъ

много говорится, когда рѣчь заходитъ о классической древности, вполне соответствовала тому благодушному настроенію, въ какомъ обрѣтались тогда наши писатели—большіе оптимисты, любившіе жизнь той непосредственной любовью, какой любилъ ее и грекъ, и римлянинъ въ годы цвѣтенія классическаго искусства и литературы. Эта гармонія не исключала ни меланхоліи, ни тоски, ни даже глубокой скорби, какую мы иногда подмѣчаемъ въ лирическихъ пѣсняхъ нашихъ молодыхъ поэтовъ того времени.

Станнымъ можетъ показаться, однако, такое смѣшеніе необузданнаго веселья съ искренней и глубокой скорбью. Съ одной стороны—полное упоеніе жизнью, ея надеждами и радостями, съ другой—неотвязная мысль о тщетѣ всего земнаго, скорбные помыслы о непостоянствѣ всѣхъ благъ жизни. Это противорѣчіе вполне естественно, и нѣтъ необходимости предполагать, что въ томъ или другомъ случаѣ наши пѣвцы гонялись за модой или повторяли чужія слова. Печаль этихъ вѣтренниковъ и молодыхъ служителей вдохновенія не есть печаль романтика, томящагося по идеалу, мечтателя, упавшаго съ небесъ на землю; она не есть гнѣвная печаль оскорбленнаго человѣка, сознающаго свою силу, но связаннаго и отверженнаго—эти разновидности человѣческой скорби, какими такъ богато XIX столѣтіе, имѣютъ мало общаго съ грустнымъ настроеніемъ нашихъ лириковъ Александровской эпохи. Они въ своей печали—не романтики, не байронисты, они скорѣе всего классики, вѣрующіе въ неумолимую судьбу, тяготящую надъ міромъ, столь прекраснымъ и радостнымъ; они—молодые люди, беззаботные и веселые, съ грустью смотрящіе впередъ на необходимость оторвать скоро свои уста отъ сладкой чаши жизни. Они въ своей грусти скорѣе мыслители, чѣмъ люди чувства, скорѣе люди трезваго взгляда, чѣмъ нервны мечтатели, какими были ихъ плачущіе и гнѣвные современники на Западѣ. Понятно, почему они такъ любили классическую поэзію. У древнихъ трагиковъ, у Вергилія, Овидія и Го-

рація, находили они тѣ мысли о бренности всего земного, о страшномъ, неотразимомъ приговорѣ судьбы, находили тотъ крикъ страданія, который рано или поздно долженъ прервать всѣ веселія рѣчи, пѣсни и бесѣды. Этотъ скорбный взглядъ на жизнь, не мѣшавшій юнымъ пѣвцамъ пользоваться минутою, легъ въ основаніе многихъ печальныхъ стихотвореній нашей молодой лирики, и потому эти стихотворенія носятъ такой общій характеръ: они очень неопредѣленны, почти всегда однообразны, за ними не видно житейскаго опыта, котораго, конечно, не могло быть, такъ какъ эти пѣсни вытекали изъ общихъ размышленій о жизни, а не изъ нея самой. Позднѣе, когда эти люди обогатились опытомъ, когда жизнь ихъ поломала и обманула—грустныя пѣсни ихъ стали болѣе содержательны и ихъ печаль болѣе опредѣленна.

Нельзя забывать, что и настроеніе нервной раздраженности, охватывавшее временами сердца нашихъ юныхъ поэтовъ, находило себѣ въ древности также готовыя формы. Ювеналь былъ безсмертнымъ образцомъ, и всякій разъ, когда кто-либо изъ нашихъ лириковъ желалъ говорить словами „гражданина“, онъ учился боевымъ приемамъ у этого классика. Помогали лирику, конечно, въ данномъ случаѣ и классики-прозаики, какъ, напр., Тацитъ и въ особенности Плутархъ — историкъ-пѣвецъ всѣхъ доблестей военныхъ и гражданскихъ.

Итакъ, обилію классическихъ мотивовъ у нашихъ поэтовъ начала XIX вѣка удивляться не приходится; надо только помнить, что въ число усвоенныхъ нами античныхъ мотивовъ не попали многіе, и притомъ самые сложные и глубокіе, какъ напр. религіозныя и философскія проблемы, въ древности столь неразрывно связанныя съ искусствомъ.

Но кромѣ мотивовъ и идейнаго ихъ содержанія, классическая древность давала нашимъ писателямъ наглядный примѣръ того, какая высота художественной формы можетъ быть достигнута въ словесномъ воплощеніи этихъ мотивовъ.

Одинъ изъ первыхъ, кто по достоинству оцѣнилъ эту

красоту словесной формы и, подражая ей, самъ достигъ большой художественной высоты въ обработкѣ поэтической рѣчи, былъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Ему и Жуковскому обязаны мы первыми образцами истинно поэтического стихотворнаго языка, созданіе котораго облегчило Пушкину его работу.

Пушкинъ любилъ поэзію Батюшкова, высоко цѣнили технику его стиха и преклонялся передъ нимъ, какъ передъ истиннымъ поэтомъ. Батюшковъ и былъ истиннымъ поэтомъ, но приравнять его къ Жуковскому и назвать учителемъ цѣлаго литературнаго поколѣнія — едва ли можно. Его талантъ былъ односторонній, хотя въ своей односторонности сильный. Если ужъ поэзія Жуковскаго далеко не отражала всѣхъ сторонъ современной ему жизни, всѣхъ ея настроеній, то поэзія Батюшкова была совсѣмъ бѣдна содержаніемъ — почему и не имѣла вліянія на широкіе круги общества. То, что составляетъ несомнѣнную заслугу Батюшкова, это — грація формы и мелодичность стиха въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ. Если мы сравнимъ его стихъ со стихомъ Жуковскаго, то въ обработкѣ нѣкоторыхъ лирическихъ формъ мы Батюшкову отдадимъ предпочтеніе. Для выработки литературнаго художественнаго языка Батюшковъ сдѣлалъ много, въ короткій срокъ и притомъ работая въ тяжелыхъ условіяхъ.

Поэтъ замолчалъ очень рано, подорванный неизлѣчимой психической болѣзью, и талантъ его не далъ всего, что онъ могъ дать, судя по его силѣ. „Я похожъ — говорилъ несчастный художникъ — на человекъ, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въдребезги. Поди, узнай теперъ, что въ немъ было“.

Было, впрочемъ, одно сильное чувство, въ передачѣ котораго Батюшковъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ первокласснаго мастера, это — то особенно тонкое эстетическое

чувство, какое возбуждаетъ въ насъ созерцаніе красоты. До Пушкина никто не умѣлъ такъ безкорыстно наслаждаться красотой, какъ Батюшковъ, потому что Жуковский, при всемъ своемъ преклоненіи передъ чистой красотой, все-таки не могъ отстранить отъ себя мысли о добрѣ, съ которою красота связана. Батюшковъ не отрицалъ, конечно, этой связи, но онъ любилъ самое впечатлѣніе красоты больше, чѣмъ тѣ чувства, которыя сопутствовали этому впечатлѣнію. Вотъ почему онъ и имѣлъ такое пристрастіе къ античной антологической поэзіи и такъ художественно умѣлъ подражать ей.

Общей массѣ читателей имя Батюшкова говорило мало, но всѣ любители искусства ставили его очень высоко: онъ былъ для нихъ живымъ образцомъ очень тонко чувствующаго художника, для котораго все наслажденіе жизни дано въ искусствѣ—художника, который сотворенъ для созерцанія красоты и не можетъ найти себѣ въ жизни иной радости по сердцу, поэта, который живетъ въ мірѣ красивой мечты и только ею дышетъ.

Эту радость о красотѣ Батюшковъ выразилъ въ удивительно ясной и отчетливой формѣ. Свѣтлый и опредѣленный міръ изящной древности помогъ ему въ этомъ и стихъ его пріобрѣлъ такую пластичность, что сталъ какъ бы „видимъ глазу“ [слова Бѣлинскаго].

Печальная жизнь Батюшкова окружила къ тому же его творчество особымъ ореоломъ.

Дѣтство было не изъ радостныхъ: семья жила недружно. Воспитывался поэтъ хоть у родственниковъ, которые его очень любили, но все-таки въ чужомъ домѣ. Рано его зачислили на службу, но къ службѣ онъ не имѣлъ никакой склонности. Затѣмъ на долгіе годы его увлекла война, сначала съ Наполеономъ [1807] и со шведами [1807—9], затѣмъ, послѣ краткаго перерыва, война отечественная [1812] и кампанія 1813—1814 года. Походы, конечно, обогатили умъ и фантазію поэта впечатлѣніями, но такими, которыя съ его

артистическимъ темпераментомъ имѣли мало общаго; кромѣ того онъ былъ тяжело раненъ, и эта рана разрушила его здоровье. Къ этому времени относится, кажется, и несчастная любовь, которую пришлось пережить. Война кончилась; Батюшковъ вернулся къ мирнымъ литературнымъ занятіямъ и завязалъ дружественныя связи со всѣми видными литераторами. Но разбитое здоровье заставило его покинуть столицу и для него вновь потекли годы странствованія. Онъ, впрочемъ, любилъ перемѣну мѣста, но теперь какой-то безпокойный духъ овладѣлъ имъ и указывалъ на приближеніе иной, болѣе тяжелой болѣзни—психической. Послѣдніе годы своей сознательной жизни Батюшковъ прожилъ въ Италіи, прикомандированный къ нашему посольству. Но и жизнь въ Италіи не успокоила его омраченной души, и въ 1822 году разсудокъ его окончательно затуманился.

За свою краткую жизнь Батюшковъ успѣлъ написать немного. И изъ этого немногаго прійдется большую половину отчислить въ разрядъ опытовъ, которые особенныхъ художественныхъ достоинствъ не имѣютъ и въ настоящее время представляютъ лишь историческій интересъ.

Въ первыхъ своихъ стихахъ Батюшковъ былъ всецѣло во власти сентиментальнаго настроенія и повторялъ обычные мотивы, въ большинствѣ случаевъ меланхолическіе и религіозно-нравственные. Грустныя пѣсни ему удавались, такъ какъ вообще онъ къ минорному порядку чувствъ былъ болѣе всего склоненъ. Тихая мечта, мысль о загробномъ мірѣ, постоянныя жалобы на суету и зло повседневной жизни, и очень искренняя склонность къ уединенію — вотъ любимыя мотивы его первыхъ пѣсенъ.

Но пока поэтъ былъ здоровъ и юнъ, не могъ же онъ не откликнуться порой и на свѣтлую сторону жизни, и его минорныя пѣсни иногда прерывались веселыми:

О, пока безцѣнна младость
 Не умчалася стрѣлой,
 Цей изъ чаши полной радость

И, сливая голосъ свой
 Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
 Славь безпечность и любовь!
 А когда въ сѣни пріютной
 Мы услышимъ смерти зовъ,
 То, какъ лозы винограда
 Обвиваютъ тонкій вязъ,
 Такъ меня, моя отрада,
 Обними въ послѣдній часъ!
 Такъ лилейными руками
 Цѣпью нѣжною обвѣй,
 Съедини уста съ устами
 Душу въ пламени излей!
 И тогда тропой безвѣстной
 Долу къ тихимъ берегамъ,
 Самъ онъ, богъ любви прелестной
 Проведетъ насъ по цвѣтамъ
 Въ тотъ Элизей, гдѣ все таетъ
 Чувствомъ нѣги и любви.
 Гдѣ любовникъ воскресаетъ
 Съ новымъ пламенемъ въ крови,
 Гдѣ, любясь пляской Грацій
 Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ,
 Съ Деліей своею Горацій
 Гимны радости поетъ.
 Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
 Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
 И привѣтливой улыбкой
 Встрѣтитъ нѣжные пѣвцы.

[«Отрывокъ изъ элегіи» 1808].

Въ веселыхъ пѣсняхъ поэта было больше литературнаго задора и моды, чѣмъ житейской истины. Тѣ, кто знаваль Батюшкова, говорили, что задумчивость и меланхолія были отличительными качествами его души. Только въ грустныхъ пѣсняхъ возвышался онъ до истинной художественности, а въ бравурныхъ былъ простымъ стихотворцемъ. И сатира не давалась ему; но элегіи его отличались всегда особой задумчивостью.

Съ годами въ Батюшковѣ меланхолія крѣпла, и лишь на короткое время это омраченіе души было остановлено сильнымъ и яркимъ подъемомъ чисто эстетическаго чувства.

Образъ непонятаго и страдающаго художника былъ давно милъ сердцу Батюшкова, и въ элегіи „Умирающій Тассъ“— едва ли не лучшимъ изъ его крупныхъ стихотвореній—онъ излилъ свою жалобу на горестную судьбу избранника небесъ, вѣнчаннаго поэта. Онъ воспѣвалъ страданія Тасса, но думалъ о себѣ.

Элегія не блещетъ особенной глубиной мысли; вопросъ о призваніи поэта въ ней лишь слегка намѣченъ, но очень искренно отгѣнено ощущеніе грустнаго одиночества художника, имѣющаго всѣ права быть центромъ любви и вниманія. Батюшковъ, исходя изъ личныхъ впечатлѣній, коснулся въ этомъ стихотвореніи темы, которая на Западѣ и у насъ имѣла потомъ очень долгую жизнь.

Припомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ этой жалобы—столь красивой:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
 Куда текутъ народа шумны волны?
 Къ чему сихъ ароматы и мирры сладкій дымъ,
 Душистыхъ травъ кругомъ кошицы полны?
 До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
 Надъ стогнами всемірныя столицы,
 Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
 Безцѣнные ковры и багряницы?
 Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
 Веселья онъ или нобѣды вѣстникъ?
 Почто съ хоругвией течетъ въ молитвы домъ
 Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
 Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ
 Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
 Кому триумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ,
 Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Иерусалима!

И шумъ веселья достигъ до кельи той,
 Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
 Гдѣ надъ божественной страдальца головой
 Духъ смерти носится крылатой.
 Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы
 Ни почестей столь позднія награды,
 Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
 Не знающей къ великому пощады.
 Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
 Съ веселіемъ его благословляетъ

И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнью прощаясь, восклицаетъ:

«Друзья! о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище!
Да встрѣчу взорами толпы твои и дымъ,
О, древнее квиритовъ пепелище,
Земля снисценная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о, вѣчный Тибръ, понтель всѣхъ племень,
Засѣянный костями гражданъ вселенной.
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченный!
Свершилось! Я стою надъ бездною роковой
И не вступаю при плескахъ въ Кашитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
Отъ самой юности игралъице людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ,
Подъ небомъ сладостнымъ Италиі моею
Скитаясь, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судьбы?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился,
Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Такъ! Я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молвіей, подъ разъяреннымъ небомъ
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ устахъ я душой не измѣнился.
Музы сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моею,
И гений мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Иордана!
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величьи и въ блескѣ грозной славы!

Но поздно: я стою надъ бездною роковой
И не вступаю при плескахъ въ Кашитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»

Умолкъ...

Свѣтло дневное ужъ къ западу текло

И въ заревѣ багряномъ утонуло;
 Чась смерти близился, и мрачное чело
 Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
 Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
 И, оживленъ вечернею прохладой,
 Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
 Какъ праведникъ съ надеждой и отрадой.

«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
 Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
 Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
 Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ,
 Ужъ ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ,
 Онъ освѣтилъ меня лазурными крылами...
 Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
 Молитесь съ надеждой и слезами!
 Земное гибнетъ все—и слава и вѣнецъ,
 Искусствъ и музъ творенья величавы...
 Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
 Податель намъ вѣнца небренной славы,
 Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
 Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели!
 О, братья, о, друзья, не плачьте надо мной!
 Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли!
 Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
 Мучительной кончины не примѣтитъ.
 Тамъ, тамъ,—о, счастье!—среди непорочныхъ женъ,
 Среди ангеловъ Элеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ.
 Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
 День тихо догоралъ, и колокола гласъ
 Разнесъ кругомъ по стогамъ вѣсть печали.
 «Погибъ Торквато нашъ»—воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
 «Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»...
 На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
 И трауромъ покрылся Капитолій.

[1816].

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ стихахъ передъ нами личное признаніе. Душа поэта была затуманена какой-то очень глубокой печалью.

И вотъ, среди такихъ грустныхъ размышленій и ощущеній поэтъ на нѣкоторое время нашелъ покой и радость въ созерцаніи чистой красоты. Общеніе съ античной музой

сдѣлало Батюшкова—уже больного—вдругъ какъ бы жизне-
радостнымъ. Онъ сталъ подражать древнимъ въ ихъ весе-
лыхъ и любовныхъ пѣсняхъ, и въ немъ оживился художникъ,
но, конечно, не человѣкъ, который продолжалъ быстро идти
къ печальной развязкѣ.

Стихотворенія: „Изъ греческой антологіи“, 1817—18 гг., и
еще нѣкоторыя другія, также навѣяныя древностью, создали
славу Батюшкова какъ поэта, и дѣйствительно, нѣкоторыя
изъ нихъ достигаютъ высокой степени художественнаго со-
вершенства. Вспомнимъ, напр., эту удивительно выдержанную
вакхическую пѣсню:

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли,
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ.
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ, она упала,
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ
И по рощѣ раздавались
«Эвоэ» и нѣги гласъ!

[«Вакханка», 1816].

Или такую пѣсню, любовную и торжествующую:

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
 За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
 О, радость! здѣсь они сей носясь разрѣшили,
 Стыдливости дѣвической оплотъ.
 Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
 Одежды пышныя надменной красоты,
 Покровы легкіе изъ дымки бѣлоспѣжной
 И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
 Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
 Свидѣтели любви и счастья Никагора.

[1817—1818].

И рядомъ съ ней пѣсню любовнаго томленія:

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой.
 Конецъ борешю, увы, всему конецъ!
 Кирида и Эротъ, мучители сердець,
 Услышите голосъ мой, послѣдній и унылой!
 Я вяну, и еще мученія терплю;
 Полмертвый, но сгораю;
 Я вяну, и еще такъ пламенно люблю
 И безъ надежды умираю!
 Такъ жертву обхвативъ кругомъ,
 На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
 И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
 На пеплѣ погасаетъ. [1817—1818].

Или, наконецъ, этотъ гимнъ природѣ-матери:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ,
 И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ,
 Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
 Я ближняго люблю, но ты, природа,—мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ сталъ, подъ холодомъ годовъ.
 Тобою въ чувствахъ оживаю:
 Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
 И какъ молчать объ нихъ, не знаю.
 Шумъ же ты, шуми, угрюмый океанъ!
 Развалины на прахѣ строятъ

Минутный человекъ, сей суетный тиранъ,
 Но море чѣмъ себѣ присвоить?
 Трудися, создай громады кораблей. [1819].

Какое настоящее, величавое, классическое спокойствіе царить въ этихъ стихотвореніяхъ, по которымъ никакъ нельзя догадаться о психическомъ состояніи художника, ихъ создавшаго. Но ихъ создалъ именно художникъ, нашедшій въ безстрастной красотѣ временное утѣшеніе и облегченіе отъ тяжелаго чувства одиночества, все настойчивѣе его преслѣдовавшаго.

Поэтъ заболѣвалъ, и передъ тѣмъ, какъ разсудку его окончательно погаснуть, онъ въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи говорилъ:

Ты помнишь, что изрекъ,
 Прощаясь съ жизнью сѣдой Мельхиседекъ?
 Рабомъ родится человекъ,
 Рабомъ въ могилу ляжетъ,
 И смерть ему едва ли скажетъ,
 Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
 Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

[«Изреченіе Мельхиседека», 1821].

Какъ напоминаетъ это стихотвореніе древніе хоры греческой трагедіи, въ которыхъ часто высказывалась подобная безотрадная философія жизни!

Изъ приведенныхъ стихотвореній можно видѣть, чѣмъ именно Батюшковъ, писавшій рѣдко и мало, плѣнялъ своихъ современниковъ. Самое совершенное и красивое въ его творчествѣ было не всѣмъ доступно, но всякій человекъ съ развитымъ художественнымъ вкусомъ не могъ не прельститься этими перлами искусства, разсыпанными хотя бы не щедрой рукой. Батюшковъ не вносилъ въ область творчества никакого новаго идейнаго содержанія, но онъ давалъ образцы пластики рѣчи и художественныхъ образовъ, и любоваться этой пластикой значило совершенствоваться въ себѣ эстетическое чувство; и всѣ современники поэта, рѣшительно всѣ,

въ комъ было чутье къ изящному, признавали Батюшкова истиннымъ поэтомъ и считали его болѣзнь великой потерей для искусства *).

*) Кромѣ приведенныхъ стихотвореній Батюшкова желательно знакомство съ нижеслѣдующими: «Выздоровленіе» 1808. «Ложный страхъ» 1810. «На развалинахъ замка въ Швеціи» 1814. «Тѣнь друга» 1814. «Надежда» 1815. «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» 1816. «Гезіодъ и Омиръ—соперники» 1816 (переводная пьеса на тему слегка напоминающую «Умиращаго Тасса»). «Изъ греческой антологіи» 1817—1818. «Подражаніе древнимъ» 1821.